
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-IX

Посвящается 130-летию со дня рождения С. А. Козина

Составитель И. В. Кульганек

St. Petersburg
2010

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-IX: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 176 с.

Девятый выпуск сборника имеет разделы: «Историография, источниковедение и история науки», «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Научная жизнь», «Рецензии, письма в редакцию», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгольских народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеполитическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The ninth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews. Letters to the editors», «Scholarly events», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Корректор и редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Т. В. Чудинова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Подписано в печать 01.02.2011. Формат 60×90 ¹/₈. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 22 п. л. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография „Наука“»

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-434-6

© Петербургское Востоковедение, 2010

© Институт восточных рукописей РАН

Содержание

Предисловие	5
И. В. Кульганек. С. А. Козин: неизвестные страницы биографии и научного творчества	7
С. А. Козин. Беседа мальчика-сироты с орлёками Чингис-хана (Подг. к изданию Т. Ю. Евдокимовой)	14
М. В. Мандрик, И. М. Захарова. К истории назначения на должность советника: С. А. Козин на пути в Монголию	17
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Т. Д. Скрынникова. Значение термина <i>ulus</i> в « <i>Erdeni-yin tobči</i> » Санан-Сэцэна	25
Е. В. Бойкова. «Монгольские экспедиции» А. Белинского (1907—1912): миф и реальность	30
Р. Ю. Почекаев. К вопросу о рецепции иностранного права в Монгольской империи и государствах чингисидов XIII—XV вв.	33
М. М. Содномпилова. Окружающая природа в традиционном мировоззрении монгольских народов: растительность в представлениях, верованиях и запретах	39
Д. А. Николаева. Материнство в традиционной культуре бурят	43
Дин Шучинь. Проблема <i>туцзу</i> в китайском монголоведении	51
Ж. Сабитов. «Муизз ал Ансаб» как источник по истории Монгольской империи	55
А. А. Сизова. Монгольский перевод ламрима Гампопы	63
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
З. К. Касьяненко. Колофоны оригинальных сочинений — источник информации о формировании письменной культуры народов Центральной Азии	67
Б. С. Дугаров. Концепт тэнгристской мифологии в контексте бурятской Гэсэриады	69
Л. С. Дампилова. «Поэзия эмоционально уплотненного тона» Б. Галсансуха	73
Саймон Уикем-Смит. Шепот внутри: поэзия Бекзина Явухулана (Пер. с англ. А. В. Зорина).	78
Д. А. Носов. Монгольская народная кумулятивная сказка	84
А. Алима. Особенности распространения монгольской протяжной песни	90
Т. Г. Басангова. Демонологические персонажи в фольклоре калмыков	95
Е. В. Сундуева. Вербализация зрительного восприятия световых явлений в монгольских языках (на материале корней с согласным <i>r</i>)	99
Т. Б. Тагарова. Адгерентная выразительность фразеологических единиц в драматургии Д. Батожабая как стилистический прием	103
И. В. Герасимов. Образ верблюда в монгольской и арабской литературных традициях	109
Ю. И. Елихина. Монгольские коллекции Государственного Эрмитажа	117
РЕЦЕНЗИИ. ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	
Майкл Хини. <i>Тьяллинг Халбертсма.</i> Охотники на йети: тайные исследования диких людей из Центральной Азии (Пер. с англ. Н. С. Яхонтовой)	123
К. Н. Яцковская. Письмо в редакцию сборника « <i>Mongolica</i> »	125
К. Н. Яцковская. Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908—1998).	127
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Л. Халоупкова. Тридцатилетие Рабтен-центра в Швейцарии	136
Конференции, новые книги по монголоведению в 2010 году	138
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Д. Бодо. Коралловые четки. Поучительный рассказ о воздаянии за мирские деяния (Пер. с монг. Л. Скородумовой)	148
Г. Аюурзана. Письмо бабушке (Пер. с монг. Е. Чернышевой)	163
Г. Аюурзана. Прилагательные времени (Пер. с монг. Д. Водяницкой, Е. Чернышевой)	166
Д. Батбаяр. Любовь (Пер. с монг. Н. Чернухи)	168
Д. Батбаяр. Слово (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Батбаяр. Человек (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Нацагдорж. Мрачные скалы (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	170

Contents

Preface	5
I. V. Kulganek. S. A. Kozin: some unknown biography and scolarly data	7
S. A. Kozin. A talk between nine Chinggis Khan's orloks and a wise orphan-boy (Prep. by T. Yu. Evdokimova)	14
M. V. Mandric, A. I. Zakharova. S. A. Kozin's appointment as a counsellor: S. A. Kozin on his way to Mongolia	17
HISTORIOGRAPHY, TEXTOLGY	
T. D. Skrynnikova. The meaning of the term <i>ulus</i> in «Erdeni-yin tobči» by Sanan Secen	25
E. V. Boikova. The A. Belinskii's expeditions to Mongolia (1907—1912): myth and reality	30
R. Yu. Pochekeyev. On the problem of reception of the foreign law in the Mongolian Empire and Chinggiside States in XIII—XV centuries	33
M. M. Sodnompilova. The surrounding nature in the traditional world-view of the Mongolian peoples: vegetation in views, beliefs and taboos	39
D. A. Nikolayeva. Motherhood in the traditional Buriat culture	43
Ding Shuqin. The problem <i>Tutsu</i> in the Mongolian studies in China	51
Zh. Sabitov. «Muizz al-Ansab» as a source on the history of the Mongolian Empire	55
A. A. Sizova. A Mongolian translation of the lamrim by Gampopa	63
LITERATURE, FOLKLORE, LINGUISTICS	
Z. K. Kasyanenko. The colophones of original texts — a source of information about the formation of written culture in Central Asia	67
B. S. Dugarov. Tenggrist mythological concept in the context of the Buriat epic «Geser»	69
L. S. Dampilova. «The poetry of emotionally pressed tone» by B. Galsansukh	73
S. Wickham-Smith. A whisper of something more: the poetry by Begziin Yavuuhulan (Transl. from English by A. Zorin)	78
D. A. Nosov. The Mongolian folk cumulative-type tale	84
A. Alima. The distribution features of Mongolian «long» songs	90
T. G. Basangova. Demonological characters in the Kalmyk folklore	95
E. V. Sunduyeva. The verbalisation of visualization of light phenomena by native speakers in the Mongolian languages (on roots with a consonant <i>r</i>)	99
T. B. Tagarova. The adherent expressivity of phraseal units in plays by a Buriat playwright D. Batozhabay as a stylistic device	103
I. V. Gerasimov. The camel image in Mongolian and Arabic literary tradition	109
Yu. I. Elikhina. The Mongolian collections in the State Hermitage Museum	117
REVIEWS. LETTERS TO THE EDITORS	
Michael Heaney. <i>Tjalling Halbertsma.</i> Yeti Jagers: Het Geheime Onderzoek naar de Wilde Mens van Centraal-Azië (Transl. from English by N. S. Yakhontova)	123
K. N. Yatskovskaya. A letter to the editors	125
K. N. Yatskovskaya. Our tutor Eduard Makarovich Murzayev (1908—1998)	127
SCHOLARLY EVENTS	
L. Holoupkova. The celebration of the 30th anniversary of the Rabten center in Switzeland	136
Conferences, new books on Mongolian studies published in 2010	138
OUR TRANSLATIONS	
D. Bodo. Corall rosary. A didactic story about a requital for mundane deeds (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	148
G. Ayurzana. A letter to my granny (Transl. from Mongolian by E. Chernyshova)	163
G. Ayurzana. Adjectives of time (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	166
D. Batbayar. Love (Transl. from Mongolian by N. Chernukha)	168
D. Batbayar. A word (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Batbayar. A man (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Natsagdordzh. Gloomy rocks (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	170

М. В. Мандрик, И.М. Захарова

К истории назначения на должность советника: С. А. Козин на пути в Монголию *

Работа С. А. Козина в должности финансового советника монгольского правительства в 1914—1916 гг. являлась важной составной частью общей политики России в Монголии. Авторы статьи, используя архивные документы, хранящиеся в С.-Петербургском филиале Архива РАН, детально исследуют историю назначения С. А. Козина на этот пост, начиная с момента возникновения идеи создания института советника при монгольском правительстве и обсуждения его кандидатуры до событий, связанных с назначением и приездом его в Ургу.

Ключевые слова: история Монголии; С.-Петербургский филиал Архива РАН; финансовый советник, политика России в Монголии.

В статье затрагиваются вопросы, которые уже были частично освещены в работе Е. М. Даревской «Русский советник правительства Монголии С. А. Козин» [Даревская, 1996]. Однако использование новых архивных документов позволяет более детально исследовать этот сюжет и несколько по-иному расставить акценты. В данной статье основное внимание обращено на историю создания должности советника и выбор его кандидатуры, что во многом и определило дальнейшую судьбу института советника при монгольском правительстве. В статье также отражены события, связанные с назначением С. А. Козина в Ургу и приездом его в Монголию.

После монгольской революции 1911 г. Россия была вынуждена решать сразу несколько задач: помочь монголам, которые рассчитывали на поддержку, сохранить стабильные отношения с Китаем и поддержать собственные интересы в этом регионе. Для решения первой и третьей задач как нельзя лучше подходила идея создания института советника при монгольском правительстве. Идея возникновения института советника витала в дипломатических кулуарах еще в 1912 г. Значительная финансовая поддержка Монголии со стороны России и постоянные настойчивые просьбы ургинского правительства увеличить субсидии ставили перед Россией вопрос о гарантиях возврата долга и контроле за рациональным расходованием выдаваемых ссуд. Последнее было наиболее актуальным, так как монгольское правительство не допускало вмешательства в свои

внутренние дела. Поэтому, когда монгольские министры, во главе с первым министром Сайн-Ноином, обратились к Генеральному консулу в Урге (10.09.1912, № 937) с просьбой передать императорскому правительству их ходатайство о новой ссуде [РГИА. Л. 415—416], временно исполняющий обязанности министра иностранных дел А. А. Нератов в этот же день выступил перед министром финансов с предложением — позаботиться об обеспечении «исправного возмещения монголами» ссуды и об «упорядочении денежного хозяйства Халхи, которое предупредило бы периодическое повторение ее просьб о денежной поддержке» [Там же. Л. 416—416 об.]. Для урегулирования трат и контроля за ними монгольскому правительству предлагалось назначить финансового советника. На этот пост даже выдвигалась кандидатура бывшего комиссара китайской таможни в Харбине Коновалова [Там же. Л. 416 об.].

Вопрос о контроле был поставлен перед монгольской стороной при обсуждении выплаты ссуды в размере 2 000 000 рублей сроком на 40 лет. Деньги предполагалось потратить на устройство армии и администрации, покупку оружия (из секретной телеграммы И. Я. Коростовца. Урга. 8/21.10.1912, № 175) [Там же. Л. 413]. Однако монгольские власти, по словам И. Я. Коростовца, «энергично отклоняют контроль и готовы удовольствоваться меньшей суммой, если только не будет его. Ввиду сего не будет ли признано обеспечить себя обязательством монгольского правительства, чтобы в случае неуплаты очередного погашения мы имели право обратиться в свою пользу взносы “монголора” или взять в свои руки таможню, наблюдение же за правильностью

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ-МинОКН, 2009, № 09-01-00561a/G «Материалы экспедиции русских финансовых советников С. А. Козина и П. А. Витте в Монголию».

поступлений возложить на консульство, организовав, таким образом, при нем или при проектируемом резиденте замаскированный контроль» [Там же]. Идея участия консульства или резидента в тайном контроле не исчезла бесследно, и попытки его введения будут предприняты при создании института советника при монгольском правительстве.

Решение вопроса о выдаче ссуды затягивалось. Монгольское правительство было вынуждено пойти на уступки и само официально заговорило о создании должности советника. 8 мая 1913 г. секретной телеграммой из Урги русский уполномоченный И. Я. Коростовец сообщал в Министерство иностранных дел (далее: МИД): «Сознавая невозможность справиться собственными силами с упорядочением финансов, Монгольское правительство обратилось ко мне с официальным ходатайством о назначении в Ургу Русского финансового советника, по выбору нашего Правительства. Частным образом монголы просят о назначении чиновника Министерства Финансов Котвича, лично им известного и пользующегося их полным доверием» [АВПРИ, ф. «Китайский стол», л. 3]. Однако тремя днями ранее в секретной телеграмме № 928 от 5 мая тот же И. Я. Коростовец информировал: «Сообщённые монголами дополнительные сведения касательно государственных расходов и доходов представляются неудовлетворительными и дают лишь приблизительное понятие о монгольском бюджете и о назначении ссуды. Едва ли, однако, ургинское правительство при настоящих условиях даст более обстоятельные сведения по интересующему нас вопросу. Упорное уклонение монголов от исполнения нашей просьбы объясняю оппозицией Да-Ламы и Китайской партии, которые систематически противодействуют всем нашим намерениям и стремятся вызвать взаимное обострение. Я заявил монголам, что считаю сообщённые данные малоудовлетворительными и предвижу, что разрешение просьбы по их вине затянется. Вместе с тем дал понять, что установление благожелательного отношения к их денежным нуждам и упорядочение монгольского финансового хозяйства требует приглашения русского финансового советника» [Там же. Л. 2]. Этот текст свидетельствует о том, что решение пригласить советника исходило от России, которая не оставляла Монгольскому правительству выбора. Последнее, понимая серьезность своего положения, даже изъявило готовность назначить советнику основное содержание из своих средств (донесение из МИД от 28.06.1913, № 550 Александру Сергеевичу Танееву, главному управляющему собственной Е. И. В. канцелярией) [Там же. Л. 25].

Российской властью вопрос решался без промедления — 15 мая министр финансов выразил согласие с назначением советника, а на следующий день такое же решение принял и министр иностранных дел [Там же. Л. 4, 6]. Почему при этом вопрос создания Монгольского национального банка был отдан на откуп частной концессии¹ и оставлен без внимания

министерством финансов на долгие месяцы, остается еще выяснить. Организация банка и создание института советника должны были происходить одновременно, являясь последовательными звеньями одной цепи — глобального реформирования финансовой системы Монголии или, что более близко к истине, — строительства новой системы, основанной на европейском опыте. К сожалению, эти две задачи были разделены российскими чиновниками и решались отдельно друг от друга.

Однако и выбор кандидатуры на новый пост оказался более сложным, чем предполагалось изначально. В. Л. Котвич сослался на семейные обстоятельства и отказался от предложения. Обсуждение новой кандидатуры проходило трудно. 18 мая А. Я. Миллер сообщил из Урги, что монгольское правительство изъявляет желание иметь в качестве финансового советника «лицо, знающее язык и местные условия и способное на проведение широких финансовых реформ, связанных с вопросами управления. В случае отказа Котвича позволю себе рекомендовать на эту должность коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги Ладыгина, вполне удовлетворяющего, по мнению Д. С. Коростовца, указанным условиям. Финансовый советник являлся бы в данном случае, как это было ранее в Пекине, политическим директором банка, технической частью которого заведовало бы подчиненное ему другое лицо» [АВПРИ, ф. «Китайский стол», л. 5].

После этого обсуждение кандидатуры началось и на более высоком уровне. Министр финансов В. Н. Коковцов сообщил министру иностранных дел С. Д. Сазонову «доверительно», что считает своим долгом коснуться вопроса о выборе лица для занятия этой должности: «Остановившись ввиду сего, за отказом ст. советника Котвича, на кандидатуре Ладыгина, не могу не отметить, что эта кандидатура имела в виду и мною лично, т. к., несомненно, Ладыгин обладает солидным знакомством с местными условиями. Однако это обстоятельство делает его полезным и необходимым агентом и для Управления КВЖД, а с другой стороны, возникает опасение, что сравнительно узкая сфера, в которой протекала предшествующая служебная деятельность Ладыгина, не дала ему достаточного опыта для осуществления таких широких задач, которые предполагается возложить на монгольского финансового советника. При таких условиях я считаю долгом рекомендовать вниманию... бывшего заведующего калмыцким народом Сергея Андреевича Козина» [Там же. Л. 9 об.]. Возникает вопрос, почему на должность финансового советника был рекомендован человек, не имеющий специального образования? Далее в письме приводились доводы, которые должны были убедить С. Д. Сазонова в пригодности С. А. Козина к этой ответственной миссии: «Он окончил курс Факультета Восточных языков по китайско-монгольско-маньчжурскому разряду и, поступив 10 лет назад на государственную службу по Министерству Внутренних дел, почти все время непосредственно соприкасался с де-

лами управления калмыками и отчасти другими инородцами. Именно будучи назначен в калмыцкие степи Астраханской губернии, он состоял последовательно попечителем яндыко-могажного и мало-дербетовского улусов и затем поставлен во главе управления всеми калмыками Астраханской губернии в качестве заведующего калмыцким народом. Так как, при организации управления этим народом на началах опеки, в руках попечителей сосредоточены все отрасли управления — именно, помимо административно-полицейских функций, они ведают податным делом, оброчными статьями, судебно-следственную часть, школьным делом, землеустроительными работами и т. п., — то Козин имел возможность подробно изучить весь строй жизни народа, родственного монголам и находящегося в одинаковых с ними бытовых условиях» [Там же].

Из донесения видно, что С. А. Козин был действительно профессиональным государственным служащим. Одновременно с несением общих административных обязанностей он принимал участие в разработке, а затем и в проведении в жизнь ряда преобразований среди калмыков, в частности, в замене родовых управлений волостными (аймачными), разграничении земель калмыков и русских поселенцев, в проектах административной реформы, проведении экономико-статистических обследований калмыцких степей, но был ли он готов к решению проблем на международном уровне²?

В министерских кругах роль финансового советника рассматривалась довольно широко: он не должен был ограничиваться узкой финансовой сферой ввиду тесной связи ее с различными отраслями государственного хозяйства (т. е. земледелием, лесоводством, горным делом, скотоводством и прочее) [Там же. Л. 16]. Так как необходимо было создавать новые источники доходов, то советника должны были ознакомить с существующими государственными доходами и расходами, податной и налоговой системами и вообще со всеми подробностями управления и административных порядков. Это было объяснено монгольскому правительству. Российское правительство не меньше монгольского было заинтересовано в образовании должности финансового советника, так как при его участии могло добиться контроля над финансами Монголии, которая скрывала и утаивала государственные ресурсы под предлогом невмешательства русских во внутренние дела страны, но при этом просила значительных субсидий на поддержание своей экономики. Начинание могло принести значительные результаты для обеих сторон, но все-таки оставались опасения, что монгольское правительство может от него отказаться. События сильно форсировали, опасаясь, что борьба монгольских политических партий не позволит утвердить и расширить далее влияние российской политики в стране [Там же]. Именно этой спешкой и можно объяснить выбор кандидатуры С. А. Козина, который все же по своему образованию и предыдущей службе не в полной мере подходил для роли автори-

тетного проводника российского финансового влияния в Монголии. Дальнейшие события во многом подтверждают этот вывод. Помимо своих основных функций, советник должен был оказывать возможное содействие Генеральному консулу в Урге, но, как свидетельствуют архивные документы, С. А. Козин, вступив в должность, решил проводить самостоятельную политику, порой не считаясь с позициями консула и интересами российской империи в Монголии.

Если утверждение кандидатуры С. А. Козина в министерских кругах прошло довольно быстро, то переговоры с монгольским правительством затянулись. В секретной телеграмме № 120 Генерального консула в Урге А. Я. Миллера 16/29 июля 1913 г. сообщалось, что ввиду болезни Саин-Ноина решение вопроса отложили. На настояния консула скорее оформить назначение С. А. Козина Саин-Ноин ответил просьбой отложить это до его поездки в Санкт-Петербург, куда он собирался отправиться в конце августа [Там же. Л. 27]. Такое положение дел не устраивало русское правительство, и товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов в телеграмме от 18 июля настоятельно советовал Генеральному консулу добиться согласия на подписание документов о назначении советника: «Благоволите пользоваться всяким случаем для настояний на ускорении назначения Козина» [Там же. Л. 28].

О важности подписания документа говорит и тот факт, что МИД, ввиду затянувшегося утверждения, направил 30 августа А. С. Танееву записку с просьбой повременить с докладом царю о затруднениях в ходе переговоров до дополнительного извещения [Там же. Л. 29]. Пока в источниках не найдено известий о дате доклада А. С. Танеева, но есть сведения о донесениях царю более позднего периода. На одном из посланий А. Я. Миллера (конец 1913 г.) Николай II написал: «Как помочь монголам?» [Там же. Л. 46]. Этот вопрос на полях позволил чиновнику высшего ранга в записке на имя царя выразить предположение, что так как решение «финансовой организации Монголии служит предметом забот Императорского Правительства», то Царь не будет возражать против введения должности советника для упорядочения денежных дел и создания для монголов источника правильного поступления доходов (по документу нет возможности точно определить автора или ведомство, из которого он происходит) [Там же]. Сторонник русского финансового влияния в Монголии далее сообщал царю общие сведения о кандидатуре советника, возможно, впервые представляя его монаршему лицу: «Он организовал хозяйство в Астраханской степи среди родственных монголам и живущих в сходных с ними бытовых условиях калмыков» [Там же. Л. 46 об.]. Между прочим было отмечено, что из-за «свойственной младенческим народам недоверчивости монголы затянули приглашение на свою службу... Козина, ссылаясь на то, что необходимо, чтобы отправляющийся в Россию Саин-Ноин-хан предварительно лично ознако-

мился с будущим финансовым советником Монгольского правительства. Ныне эти переговоры ведутся нами, и я имею основание рассчитывать на их благополучное завершение» [Там же. Л. 46 об.—47]. Для того чтобы миссия коллежского асессора Козина имела успех, предлагалось «выдать Монгольскому Правительству новую денежную ссуду, которая расходовалась бы под контролем названного чиновника исключительно на предприятия, направленные к созданию источников казённых доходов Монголии и финансовому устройству. Министр финансов уже выразил согласие обсудить вопрос об этой ссуде в Совете Министров. Необходимо лишь определить, какими источниками доходов Монгольского Правительства она может быть гарантирована» [Там же. Л. 47]. Автор донесения выражал надежду, что царь одобрит предложение Совета министров об организации монгольского банка. При этом отмечалось, что «технические подробности этого дела несколько задержали его осуществление, но открытие отделения банка в Урге должно последовать в ближайшем будущем» [Там же. Л. 47 об.]. Главной целью этого нововведения являлось освобождение монголов от китайской финансовой кабалы.

Саин-Ноин выехал в Санкт-Петербург только в октябре 1913 г. МИД, стремясь к скорейшему заключению контракта, выступил с предложением вызвать С. А. Козина прямо в Сибирь, где тот мог бы подписать документы, не дожидаясь приезда монгольской делегации в столицу [Там же. Л. 31]. Но от этого все же решили отказаться, и будущего советника вызвали в Санкт-Петербург. До конца официального пребывания Саин-Ноина было неясно — будет подписан контракт или нет. Однако переговоры, не без дипломатического давления, прошли успешно и завершились подписанием 26 декабря 1913 г. контракта, одобренного с обеих сторон, на проведение в Монголии финансовых и гражданских реформ [Там же. Л. 50—51].

Примечательно, что до последнего момента вокруг утверждения кандидатуры на должность финансового советника продолжались интриги. По донесениям А. Я. Миллера, состоявший на монгольской службе Ф. С. Москвитин (который активно ратовал за создание Русско-Монгольского банка и за развитие русско-монгольских торговых связей, за повышение российского экспорта в Монголию и т. п.) всячески интриговал против С. А. Козина, рассчитывая сделать негласным финансовым советником под титулом поставщика Хутухты. Ф. С. Москвитин уверял монгольское правительство, что достанет им деньги и даже оружие у Германии и Англии (секретная телеграмма от 29.12.1913) [Там же. Л. 58]. Участвовал в интригах и Да-Лама. А. Я. Миллеру, ввиду крайне вредной, с точки зрения российских интересов, деятельности Москвитина, пришлось просить о запрете для последнего и его доверенных лиц въезда в Монголию. Еще 23 декабря в секретной телеграмме дипломатический агент в Монголии просил министра иностранных дел: «Не сочтёте ли возможным

настоятельно посоветовать Саин-Ноину задержать свой отъезд из Петербурга до получения указаний Хутухты по делу Козина» (№ 375) [Там же. Л. 50]. На следующий день А. Я. Миллер телеграфировал: «Монгольское Министерство Иностранных Дел сообщило мне, что Хутухта поручил решить дело о приглашении Козина Совету Министров, для участия в коем вызывается Саин-Ноин. Я ответил, что не могу принять удовлетворительным этот ответ. Повторив мои вчерашние предостережения, я возложил ответственность за последствия на Монгольское правительство. Задержание в Петербурге Саин-Ноина впредь до окончания этого дела произвело бы на монголов должное впечатление» (№ 377) [Там же. Л. 51]. Вслед за этим посланием А. Я. Миллер срочно отправляет другое: «...Москвитин... уверяет монголов... что он... достанет им денег. Задержание Саин-Ноина до подписания им контракта отрезвило бы монголов (№ 378 от 24.12.1913) [Там же. Л. 53]. И лишь когда о подписании контракта стало известно в Монголии, А. Я. Миллер мог с удовлетворением сообщить в МИД, что «подписание Саином контракта с Козиним произвело на монголов сильное и выгодное для нас впечатление» (№ 380 от 29.12.1913) [Там же. Л. 58].

С. А. Козин был принят на монгольскую службу советником по выработке законов и правил, направленных на улучшение финансового и гражданского управления страной, а также для разработки законопроектов, составление которых будет ему поручено монгольским правительством. После подписания контракта, 27 декабря, МИД обратился к Министру финансов В. Н. Коковцову с ходатайством о зачислении С. А. Козина по ведомости финансового аппарата в чиновники особого поручения [Там же. Л. 56—57]. Уже 15 января 1914 г. из министерства финансов на имя С. Д. Сазонова поступил рескрипт о данном назначении [Там же. Л. 62]. МИД для решения первичных организационных вопросов открыл на имя С. А. Козина кредит в 153 тысячи рублей [Там же. Л. 64]. На приезд в Монголию советник получил в Астрахани 10 тысяч рублей [Там же. Л. 65]. От него ждали скорейшего вступления в должность, но на требования о незамедлительном выезде к месту службы С. А. Козин отвечал, что необходимо ликвидировать дела в Астрахани и подобрать сотрудников в Сибири [Там же. Л. 66].

Любопытный факт из истории бюрократии в России. 9 февраля 1914 г. С. А. Козин получил из МИД, от Г. А. Козакова, телеграмму с сообщением о том, что Ц. Ж. Жамсаранов едет в Ургу 15 февраля, и с вопросом, не может ли финансовый советник выехать в это же время [Там же. Л. 68]. На это С. А. Козин сообщил, что телеграмму получил только 17 февраля, так как был в деловой поездке. Кроме того, так как он будет зачислен в Министерство финансов не ранее 25 февраля, то и от должности своей не может отказаться и планирует выехать в Ургу только в начале марта [Там же. Л. 69]. Не совсем ясно, почему по финансовому ведомству его официально зачисли-

ли только 24 марта [Там же. Л. 70], с оговоркой, удовлетворяющей просьбу С. А. Козина по возвращении в Россию зачислить его по ведомству Министерства внутренних дел, правда, «при наличии свободных мест» (06.02.1914 — МВД — С. Д. Сазонову) [Там же. Л. 67]. Ситуация кажется тем более странной, если учесть, что в самих министерствах уже летом 1913 г. шло согласование о назначении С. А. Козина сверхштатным V класса чиновником МИД без присвоения содержания [Там же. Л. 30].

Приезда С. А. Козина в Монголии ожидали с нетерпением. Однако даже подписание контракта не избавило дипломатического агента в Монголии от беспокойства за судьбу данного предприятия. Уже 21 января 1914 г. он сообщал в секретной телеграмме № 18 о необходимости скорейшего приезда С. А. Козина в Ургу, «дабы он мог открыть действия Монгольского казначейства с Монгольского нового года и переговорил со мною по целому ряду вопросов до начала проектных переговоров» [Там же. Л. 63]. Подобные телеграммы посылались до самого приезда Козина в Ургу весной 1914 г. В секретной телеграмме дипломатического агента от 11 марта за № 80 С. А. Козину передавалась «убедительная» просьба Саин-Ноина, ради успеха дела, отложить приглашение помощников до приезда его в Ургу и ознакомления с местными условиями. С собой советник мог привезти бухгалтера, контракт с которым будет подписан монгольским правительством в Урге [Там же. Л. 75]. 13 марта Г. А. Козаков оповещал дипломатического агента, что С. А. Козину официально предписано выехать без сотрудников, но П. А. Витте ему нужен для «обследования Монголии и создания Монгольским Правительством источников доходов» [Там же. Л. 76]. Отсутствие положительных ответов на просьбы привело к новым секретным сообщениям (№ 97). Так, 19 марта дипломатический агент сообщал, что Саин-Ноин очень просит быстрее приехать, боясь «противодействия новому делу» [Там же. Л. 81].

Эта телеграмма опровергает наше основанное на письме самого финансового советника первоначальное предположение, будто С. А. Козин был в Урге уже в середине марта. Так, 20 марта он сообщал Г. А. Казакову, что устраивает в Урге библиотеку при организуемом им Центральном управлении государственных имуществ в Монголии и хотел бы снабдить ее изданиями Главного управления земледелия и землеустройства, часть которых необходимы в предпринимаемом им статистико-экономическом и естественно-историческом обследовании Монголии [Там же. Л. 82]. Судя по телеграмме А. Я. Миллера, советник устраивал библиотеку заочно, т. к. сам прибыл в Монголию, по данным Е. М. Даревской, в начале мая. Пока в изученных архивных документах точной даты прибытия не обнаружено.

Несмотря на поздний приезд к месту службы и исполнение совершенно новых для него обязанно-

стей, С. А. Козин почти сразу взял управление делами в свои руки. В секретной телеграмме дипломатического агента от 16 июля 1914 г. сообщалось: «Составленная Советником Монгольского Правительства Козиным первая роспись государственных расходов и доходов в Монголии на 1914 г. сегодня одобрена Монгольским Правительством. Экземпляр этой росписи представляется мною почтою Тайному Советнику Нератову при донесении от 3 июля № 1715» [Там же. Л. 91]. С. А. Козину оказалось достаточно двух месяцев на обустройство и вхождение в дела.

История создания института советника при монгольском правительстве — вопрос многогранный и еще далеко не изученный. Введение этой должности должно было стать лишь частью значительных финансовых реформ, на вершине которых предполагалось водрузить Монгольский национальный банк. 16 мая 1913 г. в секретной телеграмме министра иностранных дел на имя И. Я. Коростовца (№ 1426) сообщалось: «Благоволите оповестить Монгольское Правительство, что мы согласны на назначение финансового советника. Выбор кандидата и выработка условий деятельности последует дополнительно в связи с разрешением о банке. Не сообщите ли, если возможно, по телеграфу соображения о главнейших желательных пунктах контракта» [Там же. Л. 6]. В исследуемых нами на настоящий момент документах эта телеграмма одной из первых свидетельствует о тесной взаимосвязи между двумя нововведениями. Реформирование финансовой системы, являющееся одной из приоритетных задач Советника, не могло быть осуществлено без создания банка, которое российская сторона отложила на неопределенный срок и отдала в частные руки³. При сложившихся обстоятельствах нельзя было говорить о масштабных финансовых реформах, и советник С. А. Козин, кроме того что сам не обладал качествами реформатора, был еще поставлен российским правительством в крайне трудное положение в процессе исполнения его обязанностей. Его работе не способствовала и монгольская сторона. История с назначением на должность С. А. Козина — многомесячное затягивание этого процесса Саин-Ноином — наглядно демонстрирует нежелание монгольского правительства иметь при себе контролирующий орган. И то, что монгольская сторона была вынуждена согласиться на подобный компромисс, свидетельствует как о сложной финансовой ситуации молодого государства, так и об успехах русской дипломатии в Монголии. Русскому правительству было важно завуалировать свое участие в монгольских делах, поэтому «политика понуждения» оказалась весьма успешной, и монголов заставили «пожелать» финансового советника с довольно обширными правами в области и административного реформирования страны.

Список источников и литературы

АВПРИ, ф. «Китайский стол», оп. 491, д. 3090.
 АВПРИ, ф. «Консульство в Урге», оп. 732, д. 21.
 Даревская Е. М. Русский советник правительства Монголии
 С. А. Козин // Восток и Россия: взгляд из Сибири: мате-

риалы и тез. докл. к науч.-практ. конф. Иркутск, 16—
 18 мая 1996 г. Иркутск, 1996.
 РГИА — Российский Государственный исторический архив,
 ф. 1276, оп. 7, д. 463.

Список сокращений

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

РГИА — Российский Государственный исторический архив.

Приложение I

АВПРИ, ф. «Китайский стол», оп. 491, д. 3090,
 л. 16—17 об.⁴

Заметка по поводу назначения финансового советника в Монголии

Обсуждая с монгольским правительством вопрос о приглашении русского финансового советника, я неоднократно указывал монголам, что роль его не может ограничиваться узкой финансовой денежной сферой ввиду тесной связи, существующей между финансовым делом и различными отраслями государственного хозяйства⁵, как-то: земледелие, лесоводство, горное дело, скотоводство и пр. Объяснив, что урегулирование финансов, т. е. изыскание новых источников дохода, выработка и установление бюджета зависят от улучшения этих отраслей хозяйства, находящихся ныне в первобытном состоянии, я предупредил монголов, что деятельность советника может оказаться успешной лишь в том случае, если он будет ознакомлен с существующими государственными доходами и расходами, податной и налоговой системой и вообще со всеми подробностями управления и административных порядков. При этом, прибавил я, монгольскому правительству придется отказаться от прежнего образа действий скрывания и утайки государственных ресурсов под предлогом невмешательства русских во внутренние дела страны и проявить больше откровенности и доверия к лицу, призванному защищать интересы Монголии. Монголы заявили, что разделяют мои соображения и имеют в виду проект, чтобы советник занялся не только финансовыми вопросами, но также преобразованиями общего характера и упорядочением и организацией государственного управления, несостоятельность коего вполне сознается монголами.

Трудно сказать, насколько столь прогрессивные намерения монгольского правительства подтвердятся на деле, принимая во внимание колебания монгольской политики и борьбу партий, но мне кажется, что нам следует использовать это настроение сочувствующих России монгольских правителей, дабы утвердить и расширить наше влияние. Весьма важным проводником этого влияния явится, конечно, финансовый советник, работы коего должны быть направлены не только к организации Монгольского государства в намеченной нами форме, но и в оказании возможного содействия Генеральному консулу, а также начальнику монгольской бригады и агенту Министерства торговли. По этому поводу можно заметить, что к нашему официальному представителю, каким яв-

ляется Генеральный консул, монголы чувствуют и, вероятно, будут чувствовать некоторое недоверие как к русскому чиновнику, выступающему в качестве ментора и контролера, финансовый же советник, состоя на монгольской службе и считаясь как бы своим человеком, имеет больше шансов приобрести монгольские симпатии благодаря близости и непосредственности сношений, особенно если он проявит должный такт и осторожность. Для интересов России в широком смысле, конечно, безразлична степень участия Генерального консула или финансового советника в проведении наших государственных задач, лишь бы представители эти действовали согласно одной программе и шли к общей цели. Таким образом, представляется существенно важным установить между названными органами Императорского Правительства такие взаимоотношения, которые обеспечивали бы согласную и дружескую их работу. Получая директивы от Генерального консула, советник с внешней стороны должен казаться вполне независимым лицом, руководствующимся лишь указаниями монгольского правительства. Подчинение советника Г. Козина и особенно видимое проявление такого подчинения умалит значение первого в глазах монголов и лишит его нужного авторитета, что едва ли в наших интересах. Вообще желательно установление единства действий названных представителей; возникновение розни и соревнования будет сейчас же использовано монголами для возбуждения недоумений и конфликтов. Конечно, многое будет зависеть от личных качеств того и другого.

Переходя к определению компетенции советника, следует заметить, что, ввиду неопределенности его положения, разнообразия предстоящих ему задач и, наконец, неорганизованности монгольской администрации, точное выяснение компетенции представляется затруднительным и должно быть предоставлено практике. Можно лишь рекомендовать ему большую осмотрительность и постепенность в проведении каких-либо преобразований и обход всего, что может вызвать резкий отпор или затронуть религиозные верования, обычаи, традиции, суеверия и вообще духовный быт населения, [рекомендовать] добиваться, чтобы инициатива таковых преобразований исходила от самих монголов.

Отвечая на вопросы, поставленные г. Козиним, могу прибавить, что в вопросах, затрагивающих политическую сторону деятельности финансового советника, директива должна исходить от Министер-

ства иностранных дел, финансовая же его работа и отчасти административная регулируется министром финансов. Исходя из такого предположения, инструкция названному лицу могла бы быть выработана по соглашению названных ведомств. Служебное положение советника следовало бы определить особым контрактом, который мог бы быть заключен через посредничество Генерального консула в Урге с монгольским правительством. В контракте должны быть установлены время пребывания советника на монгольской службе, цифра получаемого вознаграждения, право на получение разъездных (при путешествии по стране), прогонов, подъемных и т. п. Следовало бы также выговорить право на безвозмездный отвод участка для постройки дома, ибо помещений в Урге нет, и вознаграждение в случае удаления советника по желанию монгольского правительства до истечения срока контракта.

Монгольское правительство предложило платить советнику 6 тысяч рублей ежегодно; хотя сумма эта ввиду дороговизны жизни в Урге и недостаточна, но, принимая во внимание монгольское безденежье и скромные цифры окладов монгольских чиновников,

Приложение II

АВПРИ, ф. «Китайский стол», оп. 491, д. 3090, л. 283—283 об.

Главнейшие указания советнику монгольского правительства

I. Состоящий на службе у монгольского правительства русский советник является органом проведения преследуемой Русским правительством в Монголии задачи упорядочения ее финансового и административного строя и сообразует свою деятельность как с заключенным между ним и монгольским правительством контрактом, так и, в подлежащих случаях, с указаниями российского дипломатического агента в Монголии.

II. К обязанностям советника монгольского правительства относятся: 1) составление проектов монгольской государственной росписи; 2) наблюдение за правильным выполнением росписи; 3) представление монгольским контрольным учреждениям исполнительных смет и отчетности по выполненным сметным расходам; 4) проектирование и проведение таких финансовых и административных мероприятий, кои клонились бы к упрочению финансового состояния страны и установлению, по возможности, таких форм административного, судебного и общественного строя и землепользования, которые свойственны кочевым народностям, находящимся на высшей ступени развития.

III. Советнику монгольского правительства надлежит направлять свою деятельность к следующим конечным результатам: 1) объединение в одном казначействе всех доходов монгольского правительства как от займов, так и из местных источников; 2) введение русских инструментов во все те учреждения (административные, судебные, финансовые,

в том числе и министров, едва ли удобно настаивать на дополнительном ассигновании. Было бы уместнее дополнить эту сумму из средств того ведомства, где числится или будет числиться советник во время откомандирования в Монголию, примерно до 12 тысяч, не считая канцелярских, на наем переводчиков и письмоводителя.

Заблаговременное определение компетенции и прав советника путем сношений с монгольским правительством едва ли целесообразно. Как я указал раньше, круг обязанностей советника при новизне дела и неорганизованности монгольского управления пока определить трудно, а кроме того, при отсутствии регламентации советник получит возможность расширить рамки своей деятельности, распространив ее на вопросы, которые желательно включить в наше ведение. Между тем в случае предварительного соглашения монголы под влиянием антирусской партии постараются сузить компетенцию советника и, возможно, ограничить его права. Конечно, если монгольское правительство будет настаивать на таком предварительном определении компетенции советника, то нам придется согласиться на его желание.

общественные и пр.), кои в этом нуждаются для постепенного усвоения культурных правовых начал; 3) замена права князей взимать подати с хошунского населения определенной пенсией из сумм монгольского казначейства с тем, чтобы податное обложение хошунов сделалось регалией (прерогативой. — М. З.) государства; 4) выполнение статистико-экономического и естественно-исторического обследования всей страны; 5) установление вполне определенных начал землевладения и землепользования в Монголии; 6) изыскание, устройство и открытие по смежности с русской границей и внутри страны земельных и других оброчных статей, арендная плата с коих, установленная по справедливой оценке на основании данных обследования страны, явилась бы главнейшим ресурсом монгольской казны как для выполнения своих долговых обязательств, так и для поддержания и развития той преобразовательной деятельности, основание которой положено ссудами Русского правительства; 7) воссоздание местных общественно-административных органов; 8) упорядочение местных административных управлений (хошунов); 9) упорядочение судебных органов и судебного законодательства; 10) учреждение ветеринарных и медицинских дел; 11) воссоздание народных школ.

IV. Вырабатывание советником монгольского правительства проектов законов, предварительное внесение таковых на рассмотрение монгольского правительства, подвергаются совместному с дипломатическим агентом обсуждению для установления надлежащей согласованности сих проектов с русскими интересами, огражденными подлежащими трактатами, с местными обычаями и дипломатической практикой; при этом, в случае необходимости

испрошения заключений, в особенности по специальным вопросам, и разъяснения могущих возникнуть сомнений, проекты законов, вместе с замеча-

Примечания

1. Сообщения о частной концессии встречаются уже с сентября 1912 г. В секретной телеграмме Г. А. Козакова к И. Я. Коростовцу в Ургу за № 2099 от 25-го числа сообщалось, что Юферов уже подготовил контракт между ним и монгольским правительством для учреждения эмиссионного банка в Урге: «Благоволите телеграфировать Ваше заключение о желательности такого учреждения и возможности рассчитывать, что, ввиду предположения со стороны названного банка кредитовать монгольскую казну, вопрос об оказании Императорским правительством денежной помощи монголам отпадает. Со своей стороны полагаем, что учреждаемый банк должен служить, кроме указываемых в проекте контракта целей, финансированию русской торговли и установлению, хотя бы лишь только в будущем, некоторого порядка в финансах Халки. Нам кажется, что предложение заключить контракт с Ургинским правительством, а не с родовыми князьями Халки, лишает учреждаемый банк права ссужать деньги монгольским князьям и частным лицам и может привести к нарушению контракта князьями, подобно тому, как это случилось с свидетельствами Ургинского правительства на право разведки золота. В случае учреждения банка нам пришлось бы, конечно, позаботиться о том, чтобы быть осведомленными относительно его деятельности и чтобы иметь достаточное влияние на ее направление» [АВПРИ, ф. «Консульство в Урге», л. 1].
2. Спустя 2 года после назначения С. А. Козина консул А. Орлов, рассуждая о возможности продления его контракта на второй срок, заметил: «Человек он весьма ограниченный и необразованный, если не считать его диплома факультета Восточных языков. Я думаю, что такой умственный багаж недостаточен для реформатора» [АВПРИ, ф. «Китайский стол», л. 312].
3. Право на образование Монгольского национального банка оказалось вначале у частного лица, затем оно перешло к консорциуму русских банков, от них — к Министерству финансов России, у которого его выкупили в сентябре 1914 г. действительные статские советники В. В. Андреев и М. А. Соловейчик и статский советник Э. К. Грубе «в целях распространения действий Сибирского торгового банка на Монголию» [АВПРИ, ф. «Консульство в Урге», л. 26 об.]. Банк учреждался, в том числе, на следующих основаниях: «1) Министерство финансов уступает нам, ниже названным для краткости „учредителями“, приобретение от д. с. с. Юферова права на устройство Монгольского национального банка, предоставленное д. с. с. Юферову Монгольским правительством подлинным актом, явленным в Императорское российское Генеральное Консульство в Урге 3-го октября 1912 г. Монгольским Министерством Иностранных дел по реестру 1912 г. № 595 и уступленное д. с. с. Юферовым Русско-Азиатскому банку,

ниями и объяснениями по ним, направляются для испрошения указаний центральных учреждений российским дипломатическим агентом.

- Санкт-Петербургскому... Международному коммерческому банку и швейцарскому гражданину Ю. И. Рамсейеру, которые, в свою очередь, передали принадлежащие им права Министерству финансов на основании выданной ими 26 октября 1913 г. расписки Государственному Банку. 2) В оплату уступленной нам концессии по учреждении Монгольского Национального Банка, мы учредители, обязуемся передать Министерству финансов на 200 тыс. руб. номинальных акций из первоначального складочного капитала в рублей 1000000... учреждаемого нами Монгольского Национального Банка. 3) Остальные акции Монгольского Национального Банка мы, учредители, обязуемся немедленно предоставить по номинальной цене Сибирскому Торговому банку. Если приобретение названным Банком и передача ему указанного числа акций не состоится, то соглашение о переходе к нам помянутой в п. 1 концессии теряет свою силу...» [Там же, л. 30—30 об.]. На бумаге банк существовал, но еще в мае 1917 г. в ноте Монгольского МИД звучал уже почти гневный вопрос: когда и где состоится открытие Банка?! [Там же, л. 27].
4. Заметка, судя по содержанию и почерку, исходила из недр финансового ведомства. Таким же почерком написано несколько распоряжений от имени министра финансов.
  5. Однако даже русские чиновники не понимали, чем должен заниматься советник, из-за чего между дипломатическим агентом и С. А. Козиним не раз возникало непонимание, отголоски которого наглядно видны в переписке между агентом и представителями МИДа. Так, 28 сентября 1915 г. Г. А. Козаков в письме пенял А. Я. Миллеру за излишние претензии последнего к С. А. Козину: «...Вы высказали предположение, что составление г. Козиним такого рода проектов законодательства (Устав Столичной полиции и Положение о Санитарном комитете. — М. М.) есть неосновательное расширение его компетенции и что наименование его должности должно бы было установлено такое: Финансовый Советник Правительства Автономной Внешней Монголии. Копия Контракта, подписанного г. Козиним с Саин-Ноином, была в свое время сообщена Вам. Согласно этому контракту (ст. 1), г. Козин приглашен на службу Монгольскому Правительству в качестве Советника, а не финансового советника, для организации финансов и для разработки гражданских реформ. В 7-й статье контракта равным образом говорится об обязанности Советника выработать законы и правила, клонящиеся к улучшению финансового и гражданского управления страны...» [АВПРИ, ф. «Китайский стол», л. 281—281об.]. Прошло больше года с начала работы С. А. Козина в должности, а его «ближайший соратник» в Урге не знал, где начинаются и заканчиваются границы его деятельности, что во многом негативно сказывалось на результатах их сотрудничества.

M. V. Mandric and A. I. Zakharova S. A. Kozin's appointment as a counsellor: S. A. Kozin on his way to Mongolia

In 1914—1916 S. A. Kozin worked as a financial adviser to the Mongolian government. Basing on the documents kept in St. Petersburg Branch of the Archives of RAS the authors trace in detail Kozin's appointment to this position beginning from the very idea of him as a nominee up to his appointment and arrival in Uрга. They show that Kozin's work in Uрга was an important part of the general policy of Russia in Mongolia.

Key words: History of Mongolia; St. Petersburg Branch of the Archives of RAS; financial adviser; policy of Russia in Mongolia.